

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 132–137. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 132–137. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.161.1

EDN XVDIOO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-132-137>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – ЗНАЧЕНИЯ – ФУНКЦИИ

Беднарская Лариса Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Аннотация. Сложнейшей теоретической проблеме – соотношению понятий *отношение – значение – функция* – даётся новое толкование. *Отношения* в языке – это отражённые мышлением отношения между языковыми значениями, отображающими в свою очередь осмысленные разумом «субстанции» действительности. Термин-понятие *отношение* в лингвистике включает потенциальную или уже определённую языковую форму выражения отношения – языковая форма обладает значением, которое в речи проявляется как функция. *Значение* представляет собой «знаковое содержание формы» в системе языка, превращаясь в категориальное значение, не зависящее от контекста, представляющее инвариантную форму любой синтаксической структуры. *Функция* реализуется в речи, наполняясь коннотативными смыслами, претендующими на выражение новыми языковыми формами разновидностей категориального значения.

Ключевые слова: синтаксические отношения, грамматические значения, функции и функционирование предложений.

Для цитирования. Беднарская Л.Д. Синтаксические отношения – значения – функции // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 132–137. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-132-137>

Research Article

SYNTACTIC RELATIONS – VALUES – FUNCTIONS

Larisa D. Bednarskaya, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, I.S. Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Abstract. A new interpretation is given to the most complex theoretical problem – the relation of concepts relation – value – function. The relations in language are the relations reflected by thinking between the linguistic meanings, which in turn reflect the “substances” of reality comprehended by the mind. The term-concept of relation in linguistics includes a potential or already defined linguistic form of expression of the relation – the linguistic form has a meaning that manifests itself in speech as a function. The meaning represents the “sign content of the form” in the language system, turning into a categorical meaning that does not depend on the context, representing the invariant form of any syntactic structure. The function is realised in speech, being filled with connotative meanings, claiming to be expressed by new linguistic forms of varieties of categorical meaning.

Keywords: syntactic relations, grammatical meanings, functions and functioning of sentences.

For citation: Bednarskaya L.D. Syntactic relations – values – functions. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 132–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-132-137>

Всё в мире взаимосвязано и взаимообусловлено, объективный мир пронизан отношениями, объединяющими познаваемые «субстанции». Для того чтобы осознавались отношения в объективном мире, должны были возникнуть компоненты структуры, отражающей этот мир. Нерасчленённый звукокомплекс, который до сих пор называется словом-предложением, постепенно превращается в инкорпорированное предложение, строящееся не по синтаксическому, а по лексическому принципу слияния нескольких слов-понятий в одно (*оленеубитиеохотник*) [Мещанинов: 78]. Внутри инкорпорированного слова-предложения с течением времени начинают формироваться синтаксические отношения, компоненты логического суждения разделяются, получают собственные формы грамматического выражения и оформляют логико-грамматические значения *объекта – процесса – субъекта-лица*. Причём объект – будущее дополнение – находится пока на первой позиции и в нерасчленённом слове-предложении, и в эргативном предложении. Это следующий – эргативный – этап развития предложения. Вот почему действительный и страдательный залоги образовывались параллельно и возникли очень рано. Инкорпорированное слово-предложение потенциально содержало два высказывания: *Олень* (как тотемный покровитель племени) *принёс себя в жертву охотнику* и *Охотник убил оленя*. В дальнейшем к структурно-информативному ядру эргативного предложения присоединились две признаковые позиции – определения и обстоятельства, бывшие вначале морфемами словоформы.

Развитие лексики и синтаксиса шло противоположными путями. В лексике наблюдаем процессы от конкретного к абстрактному. На более поздних этапах развития системы языка в синтаксисе сложного предложения отмечаем противоположные процессы: от диффузной языковой формы, выражающей недифференцированные синтаксические значения, – к её типовой и видовой синтаксической дифференциации [Беднарская].

С философских позиций *отношение* есть всегда отношение *вещей (субстанций)* по какому-либо свойству, присущему каждой из них, «вещей нет вне отношений» [Философская энциклопедия: 183]; «способность вещи есть... нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только... в её отношении к другим вещам» [Маркс: 143]. В сущности, К. Маркс повторяет Г. Гегеля, определяющего свойства вещи как «... её определённые соотношения с другими; свойство имеет лишь как некоторый способ отношения друг к другу» [Гегель: 581]. Человеческий разум с помощью языка способен осознать отношения разного уровня абстрагирования посредством осмысления «вещей»-субстанций разной степени отвлечённости

в их взаимных соотношениях. *Отношение* в математике приближено к максимально абстрактной «субстанции», которая сама выступает как отношение.

Язык, отражая осознаваемую разумом действительность, тоже помогает увидеть онтологические отношения между объективно существующими «субстанциями», выражаемыми языковыми формами. **Отношения в языке – это отражённые мышлением отношения между языковыми значениями, отображающими в свою очередь осмысленные разумом «субстанции» действительности.** Термин-понятие *отношение* в лингвистике включает потенциальную или уже определённую языковую форму выражения отношения.

Как правило, в определениях *синтаксических отношений*, данных в словарях и монографиях, присутствует односторонний подход: учитывается или только типовая семантика грамматической категории, или только её формальное выражение, часто отождествляются понятия *отношение* и *значение*, хотя чуткие лингвисты давно ощущают разницу между ними. О несовпадении «отношений» и «значений» есть замечания у Р.А. Будагова [Будагов: 191–192], но это именно краткие замечания «по поводу».

В языке объективно существующие «субстанции» представлены как денотаты, своеобразные «символы», какая-то часть действительно существующих «субстанций», осознанных разумом, а **отношения потенциально включают и содержательный, и формальный аспекты выражающего их языка.** Сдвиг от объективной действительности к её отражению в языке почти не осознавался лингвистами, поэтому структуралисты вслед за Ф. де Соссюром абсолютизировали отношения, отождествляя язык и мышление [Ельмслев: 283]. У постструктуралистов преобладают крайние точки зрения о том, что «язык не отражает действительности», «язык прямо не связан с действительностью».

Что первично в осознании – «субстанции» или отношения? Этот вопрос имеет давнюю философскую историю, наиболее подробно он интерпретировался представителями европейских субъективистских школ эмпириокритицизма, несомненно, повлиявших на структуралистов XX века. Что же творит из «двух бесформенных, расплывчатых масс» (Ф. де Соссюр) язык? С помощью языка происходит осознание и постоянный поиск языкового выражения для называния новых «субстанций» и для выражения **отношений** между бесконечно многими «вещами» объективной действительности, нашедшими языковую форму. Чем более сложные языковые формы становятся доступными для их системного исследования в статике и динамике, тем скорее улечиваются сомнения и недоверие к языку, отражающему мир через мышление [Беднарская].

Работы предшественников структурализма зародили традицию не различать языковые формы разных уровней языка (предложения, слова, морфемы, слоги, фонемы). Считается, что все они условны, все одинаково характеризуются однотипными функциями и могут быть рассмотрены в едином процессе анализа. Тем самым принципиально снимаются различия между традиционными разделами языкознания: система может существовать отдельно и не выявляться в «тексте» (последовательном ряду). Необходимость дифференциации языковых форм вообще отрицается: «каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающих знания или описания самих элементов, входящих в соотношения» [Ельмслев: 54]. Странно, что отрицающие языковую форму лингвисты стали называться структуралистами. Для лингвиста, воспитанного в русле традиционной русской философии и психологии, классического русского языкознания, развивающегося в форме современного структурно-семантического направления [Бабайцева: 43–45], всё здесь неприемлемо.

Уникальность языка состоит в том, что он является одновременно и материальным, и идеальным. Звуковая волна или её письменная фиксация рождает смыслы и образы, призванные всё глубже проникать в объективную действительность, познавать её преобразованную и свёрнутую в материи языка идеальную форму существования объективного мира. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную действительность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свёрнутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, **раскрытых совокупной общественной практикой**. Чем сложнее языковая структура, тем отчётливее в ней проявляются элементы, соотносящиеся с объективной действительностью, и элементы, символизирующие человеческие понятия о мире, «мысль о мире». Высказывание не существует вне своей коммуникативной цели, вне интенции говорящего субъекта. Сама знаковая природа языка, отражая мышление, демонстрирует постоянные «вливания» индивидуально-го сознания в общее и общего в индивидуальное. Именно язык устанавливает взаимовлияющие связи между индивидуумом и обществом. Изучение грамматики языка подтверждает это базовое гносеологическое положение.

Главным в общетеоретической интерпретации языковой семантики остаётся признание её связи с отражательным мышлением – её онтологическая сущность. Реляционные свойства единиц языка имеют вторичный характер. Вместе они направле-

ны на реализацию главной функции языка – мыслительной, которая воплощается в коммуникативной функции, коммуникация же всегда структурно и семантически упорядочена, все взаимодействующие элементы в ней реляционно связаны.

Языковое выражение *отношений* – онтологическая основа «*строения*», синтаксиса, который, кстати, в западной лингвистике изучен крайне схематично. Синтаксис понимается структуралистами как отношение одних **знаков** к другим, то есть он предназначен только структурно организовывать линейное высказывание. Однако и наиболее чуткими структуралистами высказывались мысли о том, что «только для беспристрастного и стороннего наблюдателя связь между означающим и означаемым является чистой случайностью» [Якобсон: 7].

Современный постструктурализм основывается на трёх принципах: 1) отношения порождают язык, сеть отношений **порождает** языковые единицы всех уровней; 2) язык не зависит от экстралингвистических факторов; 3) язык – это система знаков. Отсюда следует, что язык – единственная данная человеку реальность. Упускается только один, но всё определяющий момент: отношения существуют объективно, а человеческий разум только отражает и выражает их – в какой-то мере. Интуитивно этот процесс предназначения человеческого разума, его роли во Вселенной осознают и поэты:

Когда ты стоишь на пустом плоскогорье, под
бездонным куполом Азии, в чьей синеве пилот
или ангел разводит изредка свой крахмал;
когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал,
помни: пространство, которому кажется ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.
И сослужить эту службу способен только ты.

И. Бродский. Назидание
Отношение, оформившееся как грамматическое значение, осознаётся уже в словоформе, выделившейся из предложения на основе синтаксической функции члена предложения по отношению к другому члену предложения. Отношение закодировано во флексиях, прежде всего главных членов предложения. Независимое «именование» «вещи»-денотата, задающей тему высказывания, осознаётся как подлежащее независимо от того, какой структурой оно выражено, важно, что оно «обёрнуто» формой «начального» именительного падежа. Первичное осознание отношений запечатлено в отношениях между словом-этикеткой и его словоформой-характеристикой – это начало предиктирования, то есть приписывания предмету признака, соотносящегося с объективной действительностью «здесь и сейчас». Массив «вещей», именуемых существительными, осознаётся как «предмет» и даже «предметность» в функции ло-

гической и коммуникативной темы / грамматического субъекта высказывания. Основным, типовым, категориальным признаком такого массива лексем становится их типовая семантика предметности и признак по роду, вначале этимологически мотивированному по половому признаку. Отметим, что во многих языках неодушевлённые существительные не дифференцируются по родовому признаку, а в других языках категория рода отсутствует. С течением времени признак по роду грамматикализуется, но остаётся в наборе сем, определяющих лексическое значение существительного.

Вторичное по отношению к слову-«этикетке» наименование-существительное приобретает квалифицирующую или характеризующую функцию, которая становится предикативной и оформляется глагольной связкой. Известно, что прилагательное возникло из существительных на основе общего синкретизма имени. Древнейшая аппликативная связь приложения с существительным, которое оно конкретизирует, существует до настоящего времени.

Слово конкретизирующее, характеризующее (преддицирующее), постепенно приобретает глагольные признаки, соотносит высказывание с действительностью сначала с помощью специальной связки – глагола бытия, осознаваемой как отдельная часть речи, а потом к «характеризующим» (будущим глагольным) корням присоединяются морфемы, указывающие на время и лицо (по Я. Гримму). Позднее синтаксические отношения оформляются как отношения между явлениями, ситуациями, фиксируются и отражаются языком как отношения между предикативными частями сложного предложения.

Синтаксические отношения занимают промежуточное положение в триаде *смысл – отношение – значение*. Различие между ними изящно выразил А.В. Бондарко: смысл ищет языковую форму и, найдя её, превращается в языковое значение. Организуется смысл, превращаясь в языковую структуру, посредством осознания и выражения синтаксических отношений, прежде всего, с помощью синтаксических, релятивных, форм, семантику которых «подпитывают» морфологические формы и лексическое значение компонентов синтаксической структуры.

Структурно-семантические компоненты и синтаксические отношения между ними, отражающие объективную действительность, **выражаются с помощью языковых средств, а не создаются ими**. По Р.А. Будагову, значение – это «понятие, выраженное в данной системе языка, преломлённое сквозь его призму». Понятие – это «мысль о предмете, выделяющая в нём общие и обычно наиболее существенные признаки». «Понятие – общечеловеческая категория, хотя и зависящая от степени развития мышления разных народов. Значение слова, напротив, прежде все-

го, категория данного языка, чаще всего существующая в пределах его системы» [Будагов: 3].

Отношение осознаётся на уровне понятий-смыслов, формирующихся в суждении, в них потенциально заложено единство языкового значения и форм его выражения. *Значение* – компонент отношения, нашедший языковую форму своего выражения. Новая форма осознаётся на основе существующего категориального значения как его структурно-семантический вариант. Многомерные смыслы всегда осознаются субъектами вариативно, поворачиваясь разными сторонами, и эти этапы процесса его осознания запечатлел язык. *Функция* – конкретное проявление значения в речевой ситуации. Одно и то же слово в зависимости от речевой ситуации может выступать или в функции именовании предмета, или в функции его характеристики. Это первый шаг к формированию предикативной основы предложения. «Всякую вещь, по Аристотелю, можно обозначать не только специальным высказыванием о ней, но и высказыванием, связанным основным образом с другой вещью» [Аристотель: 105]. Квалификация, характеристика – это уже отношение, опосредованное обозначение «вещи» в независимой позиции. В этом случае слово-лексема выделяет в содержании понятия его определённую сторону. Мысль отталкивается от названной, значит, познанной «вещи», «бежит» к другим «вещам», ассоциативно сопоставляя непознанное с познанным, стремясь найти для них новую языковую форму выражения. Этот процесс и составляет основной импульс развития языка. Любая синтаксическая структура включает «означаемое» и «означающее» («объясняемое» и «объясняющее», по А.А. Потебне, тему и ремю). Этот коммуникативный импульс от известного к неизвестному проявляется, прежде всего, в речевом акте, в дискурсе, затем моделируется в простом предложении как тема и рема, в сложном предложении любой степени усложнённости и даже в сложном синтаксическом целом, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего. Это древняя структура цепного текста, благополучно дожившая до нашего времени. Весь этот процесс выражает речевую деятельность, объективно детерминированную, направленную на выполнение бесконечно варьирующихся задач познания мира. Речевая деятельность влияет на структуру языка. Как это происходит? Исследование данной проблемы занимает умы лингвистов разных поколений и направлений, определяя их исследовательские векторы.

До сих пор в лингвистической литературе и в практике преподавания языка не всегда различаются понятия/термины *значение* и *функция* потому, что структуралисты не подвергают сомнению тезис Л. Витгенштейна: «*значение слова есть его*

употребление в языке» [Витгенштейн: 20]. Считается, что функция и есть значение языковой единицы. Может быть, это верно для системы фонетики и даже морфемики, но когда мы имеем дело с грамматикой, и особенно с синтаксисом, значение и функция уже словоформы, тем более компоненты сложного многокомпонентного предложения не совмещаются в составе целого. По меткому замечанию Р.А. Будагова, «функция лишь стремится опереться на значение, а значение лишь стремится наполнить содержанием функцию» [Будагов: 72]. Особенно ярко это проявляется в системе многокомпонентного сложного предложения, когда оно формирует законченное лирическое произведение – когда предложение формирует текст.

Проблема понимания как центральная проблема науки о языке осмысливается в виде триады *функция – значение – отношение*, если речь идёт о речевой деятельности, в языковой системе триада осознаётся по-другому, наоборот: *отношение – значение – функция*. Результаты осмысления таких соотношений получаются разные. Составляющие триады взаимосвязаны: синтаксическая единица парадигматически и синтагматически выражает определённые синтаксические отношения, осознаваемые как срез выражения смысла, который ищет новую языковую форму в конкретных условиях речевого функционирования и находит её, после чего она или может закреплиться в языковой системе, или нет.

Грамматическая форма всегда отражает какую-то часть смысла, пока не осознанного понятийного океана, с развитием языка границы между значениями и функциями меняются. Как показывают мои исследования, функциональные разновидности сложного предложения возникают на базе сформировавшегося категориального грамматического значения, его типов и видов. Функциональная разновидность, найдя грамматическую форму своего выражения, вписывается в систему видов, а затем становится основой для образования новой формы с дифференцированным синтаксическим значением. Функционирование языка проявляется в различных соотношениях формы и её содержания. Описание этих проявлений, взаимоотношений функций и семантики признаётся одной из основных задач лингвистики [Беднарская: 155–160].

На основании дифференциации понятий *значение* и *функция* предлагаются выводы: значение формы охватывается понятием «язык»; функция же связывает значения и внеязыковые цели общения. «Функции косятся в значениях, но отличаются ярко выраженной обращённостью к внеязыковым целям – к смыслам, которые нужно передать и воспринять в процессе коммуникации» [Бондарко: 32]. Категориальное значение языковых единиц относится к системно-категориальному аспекту языка, то есть к системе его

единиц, классов и категорий, заключающих в себе отражение и языковую интерпретацию мыслительных процессов. Значение предусматривает языковую форму своего выражения. Значение выражается в речи, но здесь оно уже не выступает «в чистом виде», как значение одной лишь данной единицы, а всегда отражает взаимодействие разных единиц друг с другом, а также с контекстом и с ситуацией. *Отношения* влияют на *функцию* через *значение*. Функция тоже связана с языковой системой, но прежде всего с её динамическим аспектом, то есть с закономерностями и правилами функционирования элементов системы языка. Отсюда – *выход к речи*, где функции раскрываются и реализуются как достигнутые цели. Но в речи функции «размывают» значение предложения, выводят его «за» грамматическую категорию. Категориальные грамматические значения, оформляющие компоненты предложения – его члены, – начинают переплетаться, образуя переходные и синкретичные участки, совмещающие несколько категориальных значений. На базе категориального грамматического значения в речи образуются комплексы структурно-семантических образований, оформляющих более конкретные синтаксические отношения-значения, прежде всего в сложных предложениях.

Категориальное значение формы не включает того, что исходит от контекста и речевой ситуации. Результаты взаимодействия категориальных значений с контекстом, лексическим значением слов и с речевой ситуацией связаны с понятием «частного значения грамматической формы». Но это понятие по существу очень близко к понятию *функции*. Специфика функций как раз и заключается в том, что они, выражая и потенциал, и результаты функционирования, предполагают взаимодействие грамматической формы и её контекстуального окружения. *Значения* языковых единиц (категориальные значения морфологических и синтаксических единиц) представляют собой в системе языка относительно замкнутую систему с ограниченным числом элементов. *Функции* же представляют собой систему незамкнутую и значительно более широкую, с ярко выраженной неопределённостью границ на периферии.

Таким образом, *значение* представляет собой знаковое содержание формы в системе языка, превращаясь в категориальное значение, не зависящее от контекста, представляющее инвариантную форму. *Функция* реализуется в речи, наполняясь коннотативными смыслами, претендующими на выражение новыми языковыми формами разновидностей категориального значения.

Список литературы

Аристотель. Метафизика. Москва: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.

Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий. Орёл: Изд-во ОГУ, 2014. 170 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 136 с.

Будагов Р.А. К теории синтаксических отношений // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 189–196.

Будагов Р.А. Человек и его язык. Москва: Изд-во МГУ, 1974. 429 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Москва: Изд-во иностр. лит., 1958. 133 с.

Гегель Г. Сочинения: в 6 т. Т. 5. Москва: Соцэкгиз, 1937. 715 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 264–389.

Ельмслев Л. Метод структурного анализа в языке // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. 2. Москва: Просвещение, 1964. С. 50–62.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26, ч. 3. Москва: Политиздат, 1964. 681 с.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Ленинград: Наука, 1975. 352 с.

Философская энциклопедия: в 5 т. Москва: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. 592 с.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Москва, 1970. № 16. С. 3–16.

References

Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, RIPOI klassik Publ., 2018, 384 p. (In Russ.)

Babaitseva V.V. *Sintaksis russkogo iazyka* [The syntax of the Russian language]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2015, 576 p. (In Russ.)

Bednarskaia L.D. *Osnovnye zakonomernosti v razvitiu slozhnogo predlozheniia v iazyke russkoi khudozhestvennoi prozy XIX–XX stoletii* [The main patterns in the development of a complex sentence in the language of Russian artistic prose of the 19th–20th centuries]. Orel, Izd-vo OGU Publ., 2014, 170 p. (In Russ.)

Bondarko A.V. *Funktsional'naiia grammatika* [Functional grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 136 p. (In Russ.)

Budagov R.A. *K teorii sintaksicheskikh otnoshenii* [On the theory of syntactic relations]. *Voprosy iazykoznanii* [Questions of linguistics], 1973, No. 1, pp. 189–196. (In Russ.)

Budagov R.A. *Chelovek i ego iazyk* [Man and his language]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1974, 429 p. (In Russ.)

El'msl'ev L. *Prolegomeny k teorii iazyka* [Prolegomena to the theory of language]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1960, vol. 1, pp. 264–389. (In Russ.)

El'msl'ev L. *Metod strukturnogo analiza v iazyke* [Method of structural analysis in language]. *V.A. Zvegintsev. Istoriiia iazykoznaniiia XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh: v 2 ch. Ch. 2* [V.A. Zvegintsev. History of linguistics of the 19th–20th centuries in essays and extracts: in 2 hours, part 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 50–62. (In Russ.)

Filosofskaia entsiklopediia: v 5 t. T. 4 [Philosophical Encyclopedia: in 5 vols., vol. 4]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1967, 592 p. (In Russ.)

Gegel' G. *Sochineniia: v 6 t. T. 5* [Works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1937, 715 p. (In Russ.)

Iakobson R. *V poiskakh sushchnosti iazyka* [In Search of the Essence of Language]. *Sbornik perevodov po voprosam informatsionnoi teorii i praktiki* [Collection of Translations on Information Theory and Practice]. Moscow, 1970, No. 16, pp. 3–16. (In Russ.)

Marks K., Engel's F. *Sochineniia. T. 26, ch. 3*. [Works, vol. 26, part 3]. Moscow, Politizdat Publ., 1964, 681 p. (In Russ.)

Meshchaninov I.I. *Problemy razvitiia iazyka* [Problems of language development]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 352 p. (In Russ.)

Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logico-philosophical treatise]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1958, 133 p.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.